

Литературная газета

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ОСОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 158 (474)

26 НОЯБРЯ 1934 ГОДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Дневник литературной газеты

26 НОЯБРЯ
Приближается новый чеховский юбилей. Летом отмечалось 30-летие со дня смерти писателя, а в начале наступающего года будет праздноваться 75-летие со дня его рождения.

Широчайшие типографические обобщения, давные в произведениях Чехова, жизненны и сейчас.

И неслучайно на XVI съезде партии т. Сталин в своем заключительном слове, раскрывая существо правой оппозиции, воспользовался образом учителя Беликова — человека в фуфляре, боявшегося всю жизнь «как бы этого не вышло».

В создании короткой новеллы Чехов достиг предельного мастерства. Недаром Толстой называл его «Пушкин в прозе». А. М. Горький неоднократно призывал писать писателей чеховского мастерства у Чехова.

В то же время у нас нет ни одной мало-мальски значительной марксистской теоретической работы, разбирающей творческий метод и технологические приемы Чехова. Чеховым восторгаются, но мало кто по Чехову учиться.

Популярность Чехова растет с каждым днем, с каждым новым читателем. Книги же Чехова не достать ни в магазинах, ни в библиотеках. Об этом следует вспомнить нашим издательствам, уточняющим сейчас тематические планы на будущий год.

Чехов долгое время был почти забыт нашими театрами. Однако в последнее время большие мастера советского театра обратились к непривычным образомам русской классической драматургии — в драматургии Чехова.

В. Э. Мейерхольд готовит вечер чеховских водевилей. В театре Р. Синцова поставлен «Винный сад». МХАТ 2 перепечатывает пьесу Ю. Соболева «В овраге» — инсценировку крестьянских рассказов Чехова.

Для советского зрителя, который умеет находить в творчестве Чехова жизнестороннее, зовущее к жизни и в борьбе начало, эти спектакли являются важным событием. Театр готовится достойно отметить значительную юбилейную дату.

Такую же постоянную встречу должны подготовить все литературные организации, литературы и библиотеки.

На родине Чехова, в Таганроге, сейчас переоборудуется музей его имени, местная библиотека проводит культурно-образовательную работу, ставящую целью популяризовать произведения писателя в самых широких массах рабочих и колхозников. Опыт таганрогской библиотеки, носившей имя Чехова, должен быть перенят всеми другими.

Борьба за создание высококвалифицированных творческих кадров советской кинематографии вступает

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ [В. БАГРИЦКОГО,] А. ВОЛОНТИКОВА,

М. КОЛЬПОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО,

М. СУБОПКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧ.

17 МИЛЛИОНОВ ЧИТАТЕЛЕЙ

БИБЛИОТЕКИ В 1935 ГОДУ

В новом этапе. На основании постановления правительства органов Московского института кинематографии реорганизуется в «высший государственный институт кинематографии типа отраслевой академии». Институт становится не только учебным, но и научно-исследовательским учреждением всесоюзного значения.

В плане проходящей сейчас реорганизации ГИК наибольшего внимания заслуживает создание режиссерского факультета надувавского типа. Количественно незначительный состав (12—15 чел.), серьезные требования при приеме, подбор слушателей, обладающих уже художественным образованием и стажем режиссерской работы, высококвалифицированное руководство будущими мастерами, организование внеучебной творческой работы, в частности укрепление связи с производством и пр. дают все основания ожидать, что из-под нового ГИК в советскую кинематографию придет новое талантливое пополнение.

В наступающем году значительное возрастет библиотечная сеть и увеличится число читателей, — так заявил в беседе с сотрудником «Литературной газеты» заместитель начальника библиотечного управления Наркомпроса т. В. Горовиц.

Сейчас по всему Союзу проходит библиотечная перепись. Пока она не кончается, мы не будем знать точно, каково наше книжное богатство. Сколько есть у нас библиотек.

Можно говорить теперь только о примерных цифрах.

В ведении Наркомпроса в РСФСР находится 4815 станционных библиотек. Число профсоюзных библиотек перевалило за 13.000. Учета читателей и передвижек нет. Известно лишь, что их имеется сотни тысяч.

В 1935 г. Наркомпрос предполагает открыть в РСФСР 1585 новых библиотек.

Отдаленные районы, где обслуживание рабочих и колхозников книгой еще недостаточно развернуто, получат наибольшее количество новых библиотек. Например, сейчас в Бирзгии 39 библиотек, в конце будущего года их будет 58. Количеством библиотек в ДВК возрастет с 92 до 156. В Бурят-Монголии — с 5 до 20.

Несмотря на проведение параллельной 635 городов США с населением от 2½ до 100 тыс. чел. не имеют библиотек. В Бурятии-Монголии — 20 библиотек.

Каждый день заполняются десятки тысяч новых абонементных карточек. Колхозник, ликвидировавший неграмотность, рабочий, усыпавший об интересной книге, — вот кто приходит в библиотеки.

Мы считаем, цифра эта, конечно, превышает реальную.

Отдаленные районы, где обслуживание рабочих и колхозников книгой еще недостаточно развернуто, получат наибольшее количество новых библиотек. Например, сейчас в Бирзгии 39 библиотек, в конце будущего года их будет 58. Количеством библиотек в ДВК возрастет с 92 до 156. В Бурят-Монголии — с 5 до 20.

Несмотря на проведение параллельной 635 городов США с населением от 2½ до 100 тыс. чел. не имеют библиотек. В Бурятии-Монголии — 20 библиотек.

Каждый день заполняются десятки тысяч новых абонементных карточек. Колхозник, ликвидировавший неграмотность, рабочий, усыпавший об интересной книге, — вот кто приходит в библиотеки.

Мы считаем, цифра эта, конечно,

очень примерная, что 15 млн. читателей в РСФСР берут книги из библиотек.

В будущем году ряды читателей возрастут по крайней мере на 2 млн. У нас будет 17 млн. читателей.

— Излишне указывать, — говорит т. Горовиц, — как велик спрос на художественную книгу. Вот красноречевые данные.

Для того чтобы утолить головы на художественную книгу 17 млн. читателей, библиотеки РСФСР должны получить в 1935 г. по 75 000 экз. каждого отпечатанного однотомника русских классиков, по 30 000 комплектов сочинений, по 75—90 000 экз. художественных советских новинок, по 20 000 книг переводов литературы народов СССР, по 20 000 книг поэзии.

Библиотеки рекомендуют читателям, главным образом, книги крупных русских писателей. Нужно шире пропагандировать в массы произведенья национальных писателей.

Библиотеки перед съездом писателей проделали огромную работу. Собранные десятки тысяч читательских отзывов. Кстати, никто не систематизирует и не изучает этот интереснейший материал. Проведено бесчисленное множество читательских конференций и литературных вечеров.

Этот полем в библиотечной работе не спадает и до сих пор.

Для советского библиотекаря неизменна возможность работы с книгой, работы с советским читателем.

Зачастую библиотеки, особенно в сельских районах, беспризорны. Их не ремонтируют, им не отпускают топлива. Еще очень многое надо сделать для попытания квалификации библиотечных работников.

Библиотеки перед съездом писателей проделали огромную работу. Собранные десятки тысяч читательских отзывов. Кстати, никто не систематизирует и не изучает этот интереснейший материал. Проведено бесчисленное множество читательских конференций и литературных вечеров.

Этот полем в библиотечной работе не спадает и до сих пор.

Для советского библиотекаря неизменна возможность работы с книгой, работы с советским читателем.

Читатели библиотек РСФСР — это не просто 17 млн. чел., берущих книги на дом, — это 17 млн. лучших в мире читателей.

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ
О САЛТЫКОВЕ-ЩЕДРИНЕ

В Вятском архивном отделе в фонде канцелярии губернатора найден интересный документ. Это «Ведомость о лицах, состоящих под надзором полиции в Вятской губернии за 1855 г.». В этом деле имеются сведения о 71 политическом сыскном и в частности интересные данные о САЛТЫКОВЕ-ЩЕДРИНЕ.

Приложены выдержки из документа.

«Ведомость о лицах, состоящих под надзором полиции в Вятской губ. за 1855 год.

№ 11.

Чин, звание, имя, фамилия и место родины.

Надзорный Советник Вятского Губернского Правления Михаил Салтыков.

Лета по роду.

С 7 мая 1848.

На какой срок или без срока подвергнут надзору.

Без срока.

Где утвержден надзор на месте жительства или выслан из другой губернии и чем занимался.

В Вятке, выслан из С.-Петербурга, состоит Советником Вятского Губернского Правления.

По Высочайшему повелению, из-

до сих пор еще полностью не изложит наследия венецианской политики разрывов теоретиков практиковавших широкое изложение книг. Мольер и Шекспир, Помпеевский и Оскар Уайльд, кое-где находятся в списках «крайней литературы». Недавно, например, такое положение было обнаружено в ленинградской библиотеке им. Пушкина.

Библиотеки рекомендуют читателям, главным образом, книги крупных русских писателей. Нужно шире пропагандировать в массы произведенья национальных писателей.

Библиотеки перед съездом писателей проделали огромную работу. Собранные десятки тысяч читательских отзывов. Кстати, никто не систематизирует и не изучает этот интереснейший материал. Проведено бесчисленное множество читательских конференций и литературных вечеров.

Этот полем в библиотечной работе не спадает и до сих пор.

Для советского библиотекаря неизменна возможность работы с книгой, работы с советским читателем.

Читатели библиотек РСФСР — это не просто 17 млн. чел., берущих книги на дом, — это 17 млн. лучших в мире читателей.

Библиотеки перед съездом писателей проделали огромную работу. Собранные десятки тысяч читательских отзывов. Кстати, никто не систематизирует и не изучает этот интереснейший материал. Проведено бесчисленное множество читательских конференций и литературных вечеров.

Этот полем в библиотечной работе не спадает и до сих пор.

Для советского библиотекаря неизменна возможность работы с книгой, работы с советским читателем.

Читатели библиотек РСФСР — это не просто 17 млн. чел., берущих книги на дом, — это 17 млн. лучших в мире читателей.

Библиотеки перед съездом писателей проделали огромную работу. Собранные десятки тысяч читательских отзывов. Кстати, никто не систематизирует и не изучает этот интереснейший материал. Проведено бесчисленное множество читательских конференций и литературных вечеров.

Этот полем в библиотечной работе не спадает и до сих пор.

Для советского библиотекаря неизменна возможность работы с книгой, работы с советским читателем.

Читатели библиотек РСФСР — это не просто 17 млн. чел., берущих книги на дом, — это 17 млн. лучших в мире читателей.

Библиотеки перед съездом писателей проделали огромную работу. Собранные десятки тысяч читательских отзывов. Кстати, никто не систематизирует и не изучает этот интереснейший материал. Проведено бесчисленное множество читательских конференций и литературных вечеров.

Этот полем в библиотечной работе не спадает и до сих пор.

Для советского библиотекаря неизменна возможность работы с книгой, работы с советским читателем.

Читатели библиотек РСФСР — это не просто 17 млн. чел., берущих книги на дом, — это 17 млн. лучших в мире читателей.

Библиотеки перед съездом писателей проделали огромную работу. Собранные десятки тысяч читательских отзывов. Кстати, никто не систематизирует и не изучает этот интереснейший материал. Проведено бесчисленное множество читательских конференций и литературных вечеров.

Этот полем в библиотечной работе не спадает и до сих пор.

Для советского библиотекаря неизменна возможность работы с книгой, работы с советским читателем.

Читатели библиотек РСФСР — это не просто 17 млн. чел., берущих книги на дом, — это 17 млн. лучших в мире читателей.

Библиотеки перед съездом писателей проделали огромную работу. Собранные десятки тысяч читательских отзывов. Кстати, никто не систематизирует и не изучает этот интереснейший материал. Проведено бесчисленное множество читательских конференций и литературных вечеров.

Этот полем в библиотечной работе не спадает и до сих пор.

Для советского библиотекаря неизменна возможность работы с книгой, работы с советским читателем.

Читатели библиотек РСФСР — это не просто 17 млн. чел., берущих книги на дом, — это 17 млн. лучших в мире читателей.

Библиотеки перед съездом писателей проделали огромную работу. Собранные десятки тысяч читательских отзывов. Кстати, никто не систематизирует и не изучает этот интереснейший материал. Проведено бесчисленное множество читательских конференций и литературных вечеров.

Этот полем в библиотечной работе не спадает и до сих пор.

Для советского библиотекаря неизменна возможность работы с книгой, работы с советским читателем.

Читатели библиотек РСФСР — это не просто 17 млн. чел., берущих книги на дом, — это 17 млн. лучших в мире читателей.

</

Необыкновенные превращения

Н. ПЛИСКО

Сорокалетний профессор, страдающий одынкой, скептически настроен. В существование нового человека из этой эпохи он просто не верит. Многие раз мысленно подумывали он с теми, кто брался это утверждать: «Где он, властелин новых пространств? — спрашивал себя профессор, — человек, которому принадлежит будущее? Даите мне его я опущу его кости, почувствую плоть. Я хочу знать цвет его мыслей и запах его чувств. Я хочу знать, как он любит, говорит, смеется. Где этот герой, перед которым я мог бы преклонить колено?» В этом, между прочим, и состоит основа разлога его, интеллигента старой формации, с эпохой социализма. Он вынужден признать, что вещественные отношения в стране изменились и измениются. Он верит в то, что мир стремительно и беспомощно меняет свою оболочку. Ещё бы, растут индустриальные гиганты, в помолье застраиваются города, меняется география страны. Старый скептик верит в это лишь потому, что нужно быть спешным, чтобы не видеть, как врывается в его комнатный мир скринки и книжника новая жизнь. Но как действительно обнаружит молекулярные процессы, зреющие в мозгах головного мозга, как обнаружат в поступках человека с грузом тысячелетних традиций новые признаки?

Перед автором стояла задача раскрыть образ старогоченного и показать, что даже этот человек, отраженный от действительности «шлагбаумом из книги», даже от способов разрушить предграду, мешающую ему войти в жизнь. Политические события не вносят в него вспышек. Их не изменили, не изменили. Он открыл душу, как книги открывают ему свои мысли. Однако, как чувствует читатель, профессор должен же когда-нибудь встретиться с новыми людьми, несущими из своих пачек молодость мира, и уверовать, наконец, в нового человека, иначе ведь не получится никакой новести. И действительно вскоре из мира автора состоялась встреча скептика с комсомольцами. Вы чувствуете, что профессор уже поколеблен, у него появились сомнения: не ошибся ли он, отрицая наличие нового человека. Ведь вот они перед ним, задираты, самоуверенные, радостные, смеющиеся комсомольцы.

Повесть заканчивается символически. Из окна своей комнаты устальный, страдающий одынкой профессор смотрит на комсомольцев, идущих по улице на лыжах (символ силы и мощи нового человека?) и несет им привет: «Друзья мои! Перед вами раскрыты чудеснейшие из миров, в которых нет предела забывания. В ваших жилах течет неотгасшая кровь. Ваша юность звонко со щстью река. Так смеяйтесь же, прыгайте, двигайтесь, воюйте — чтоб в сорок не сидеть, как я, в кресле и не предаваться бесплодной философии». Так кончается повесть о «Обыкновенных признаниях», опубликованная в девятой книге «Красной поэзии», второй повести С. Колдуна — автора галантного «Р. S.».

Тема нового человека — основная для нашей литературы. К ней подошли вилотной уже и писатели, выходы из интеллигентской среды. Пристально вглядывается в лица прохожих, ища нового человека Юрий Олеша, в поисках новых людей отправляется в деревню Габрилович, В. Каюта — в пилотаж, Луговская — в Таджикистан и т. д. Они бесспорно улавливают черты нового человека. С различной степенью талантливости и художественной яркости они в своих произведениях делят образы новых людей. Но часто новые люди, воплощенные в образах наших писателей, стоят на периферийных путях истории. В них мало от типичных героев нашей эпохи, активных перестроителей мира — большевиков.

Тема нового человека была и у Колдуна в его первой повести «Р. S.» Колдуну шел трудным путем. Он показал рождение новых психологических черт в большевике. Он раскрыл большую тему — тему отождествления нового человека к смерти. Боровой уединился из большинства настрой, справедливо говорил о себе и о людях большевистской сталинской складки: «Их мы — горючеными будущего. Наша рука груба, лицо обетрыны и загорелы, серда залены жестокой борьбы. Быть может мы только предтечи. Но он уже прорастает в нас — новый человек с новой моралью и новой правдой». Повесть свидетельствовала о том, что автор приближается к правильному решению актуальных волнующих проблем. Сложная метаморфоза Колдуна в «Р. S.» говорила о чистом и внимательном отношении к слову. И все же в «Р. S.» не было еще густого настона мастерства, приобретшего лишь в результате длительной и упорной работы. Скрепы, связанные переколы от овалов образной мысли к другой, были непрочными. Частые повторы смысловых синонимов, пафосная риторика Лебяжки и Борового утяжеляли и снижали напряженность повествования. Слишком явная зависимость от метафорического строя повести Олеши, перекличка с образами «Заветы» (Боровой) — Андрей Бабичев, Лебяжка — Кавалеров и в какой мере И. Бабичев) и даже перекличка отдельных сцен (речь Ивана Бабичева на открытии и речь Лебяжки в «памятнике» бесспорно снижали образную и глубокую силу воспевания «Р. S.» Но книга была первой в своем

В ДетГИЗе выходит новым изданием книга З. Миндлина. «Не может быть». с иллюстрациями худ. К. Кузнецова.

желания изображать молодежь. Но как представляется новый человек Ю. Олеше? «Я хочу — сказал он — создать тип молодого человека, наделив его лучшим из того, что было в моей молодости». Этот метод не верен. В нем многое субъективного. Ибо даже самое лучшее в молодости Олесни имеет качественное различие с лучшим в молодости современного нам нового человека. Различия эти социальные, а не моральные.

А как представляется новый человек героя «Обыкновенных признаний»? Герой наделяет нового человека теми чертами, отсутствующими в его собственной молодости: предрасудки, породки, вещи, и люди как и в старом будут слены и нечастны». И вот, как мы уже говорили выше, встретившись с комсомольцами, профессор переродился и уверовал в нового человека. Он был в сильном краинском партийном рабочником Селининовым, сталкивался с ним на различных этапах своей жизни, и всегда тот оказывал на чудака профессора благотворное влияние. Но ни практика революционной практики, не романтика слова: «Друзья мои! Перед вами раскрыты чудеснейшие из миров, в которых нет предела забывания. В ваших жилах течет неотгасшая кровь. Ваша юность звонко со щстью река. Так смеяйтесь же, прыгайте, двигайтесь, воюйте — чтоб в сорок не сидеть, как я, в кресле и не предаваться бесплодной философии». Так кончается повесть о «Обыкновенных признаниях», пропагандируя в своем изображении социалистической революции. Текущий, которым наделены новые люди в произведении Колдуна — это скорее идея и мечта стального революционного практику, не может переходить в первоначальную форму. В результате в сорок лет он уже только сидит в кресле и предает бесплодной философии. Новый человек в его представлении — это человек, способный «объединять народы и работу» и в сорок лет с таким же блеском, как и в молодости, ходить на лыжах и радостно ощущать все явления цивилизации.

Но трудно обнаружить, что в том идеале нового человека, который представляет героя «Обыкновенных признаний», очень мало от реальности, созданной нового человека, как активного преобразителя мира, революционера, большевика. Те признаки нового человека, которые наделяет его Колдунов, конечно, существуют в действительности, но они не являются основными признаками человека социалистической революции. Текущий, которым наделены новые люди в произведении Колдуна — это скорее идея и мечта стального революционного практику, не может переходить в первоначальную форму. В результате в сорок лет он уже только сидит в кресле и предает бесплодной философии.

Приятно, что профессор благотворное влияние, встретившись с комсомольцами, профессор переродился и уверовал в нового человека. Он был в сильном краинском партийном рабочником Селининовым, сталкивался с ним на различных этапах своей жизни, и всегда тот оказывал на чудака профессора благотворное влияние. Но ни практика революционной практики, не романтика слова: «Друзья мои! Перед вами раскрыты чудеснейшие из миров, в которых нет предела забывания. В ваших жилах течет неотгасшая кровь. Ваша юность звонко со щстью река. Так смеяйтесь же, прыгайте, двигайтесь, воюйте — чтоб в сорок не сидеть, как я, в кресле и не предаваться бесплодной философии». Так кончается повесть о «Обыкновенных признаниях», пропагандируя в своем изображении социалистической революции.

Но трудно обнаружить, что в том идеале нового человека, который представляет героя «Обыкновенных признаний», очень мало от реальности, созданной нового человека, как активного преобразителя мира, революционера, большевика. Те признаки нового человека, которые наделяет его Колдунов, конечно, существуют в действительности, но они не являются основными признаками человека социалистической революции. Текущий, которым наделены новые люди в произведении Колдуна — это скорее идея и мечта стального революционного практику, не может переходить в первоначальную форму. В результате в сорок лет он уже только сидит в кресле и предает бесплодной философии.

Приятно, что профессор благотворное влияние, встретившись с комсомольцами, профессор переродился и уверовал в нового человека. Он был в сильном краинском партийном рабочником Селининовым, сталкивался с ним на различных этапах своей жизни, и всегда тот оказывал на чудака профессора благотворное влияние. Но ни практика революционной практики, не романтика слова: «Друзья мои! Перед вами раскрыты чудеснейшие из миров, в которых нет предела забывания. В ваших жилах течет неотгасшая кровь. Ваша юность звонко со щстью река. Так смеяйтесь же, прыгайте, двигайтесь, воюйте — чтоб в сорок не сидеть, как я, в кресле и не предаваться бесплодной философии». Так кончается повесть о «Обыкновенных признаниях», пропагандируя в своем изображении социалистической революции.

Но трудно обнаружить, что в том идеале нового человека, который представляет героя «Обыкновенных признаний», очень мало от реальности, созданной нового человека, как активного преобразителя мира, революционера, большевика. Те признаки нового человека, которые наделяет его Колдунов, конечно, существуют в действительности, но они не являются основными признаками человека социалистической революции. Текущий, которым наделены новые люди в произведении Колдуна — это скорее идея и мечта стального революционного практику, не может переходить в первоначальную форму. В результате в сорок лет он уже только сидит в кресле и предает бесплодной философии.

Приятно, что профессор благотворное влияние, встретившись с комсомольцами, профессор переродился и уверовал в нового человека. Он был в сильном краинском партийном рабочником Селининовым, сталкивался с ним на различных этапах своей жизни, и всегда тот оказывал на чудака профессора благотворное влияние. Но ни практика революционной практики, не романтика слова: «Друзья мои! Перед вами раскрыты чудеснейшие из миров, в которых нет предела забывания. В ваших жилах течет неотгасшая кровь. Ваша юность звонко со щстью река. Так смеяйтесь же, прыгайте, двигайтесь, воюйте — чтоб в сорок не сидеть, как я, в кресле и не предаваться бесплодной философии». Так кончается повесть о «Обыкновенных признаниях», пропагандируя в своем изображении социалистической революции.

Но трудно обнаружить, что в том идеале нового человека, который представляет героя «Обыкновенных признаний», очень мало от реальности, созданной нового человека, как активного преобразителя мира, революционера, большевика. Те признаки нового человека, которые наделяет его Колдунов, конечно, существуют в действительности, но они не являются основными признаками человека социалистической революции. Текущий, которым наделены новые люди в произведении Колдуна — это скорее идея и мечта стального революционного практику, не может переходить в первоначальную форму. В результате в сорок лет он уже только сидит в кресле и предает бесплодной философии.

Приятно, что профессор благотворное влияние, встретившись с комсомольцами, профессор переродился и уверовал в нового человека. Он был в сильном краинском партийном рабочником Селининовым, сталкивался с ним на различных этапах своей жизни, и всегда тот оказывал на чудака профессора благотворное влияние. Но ни практика революционной практики, не романтика слова: «Друзья мои! Перед вами раскрыты чудеснейшие из миров, в которых нет предела забывания. В ваших жилах течет неотгасшая кровь. Ваша юность звонко со щстью река. Так смеяйтесь же, прыгайте, двигайтесь, воюйте — чтоб в сорок не сидеть, как я, в кресле и не предаваться бесплодной философии». Так кончается повесть о «Обыкновенных признаниях», пропагандируя в своем изображении социалистической революции.

Но трудно обнаружить, что в том идеале нового человека, который представляет героя «Обыкновенных признаний», очень мало от реальности, созданной нового человека, как активного преобразителя мира, революционера, большевика. Те признаки нового человека, которые наделяет его Колдунов, конечно, существуют в действительности, но они не являются основными признаками человека социалистической революции. Текущий, которым наделены новые люди в произведении Колдуна — это скорее идея и мечта стального революционного практику, не может переходить в первоначальную форму. В результате в сорок лет он уже только сидит в кресле и предает бесплодной философии.

Приятно, что профессор благотворное влияние, встретившись с комсомольцами, профессор переродился и уверовал в нового человека. Он был в сильном краинском партийном рабочником Селининовым, сталкивался с ним на различных этапах своей жизни, и всегда тот оказывал на чудака профессора благотворное влияние. Но ни практика революционной практики, не романтика слова: «Друзья мои! Перед вами раскрыты чудеснейшие из миров, в которых нет предела забывания. В ваших жилах течет неотгасшая кровь. Ваша юность звонко со щстью река. Так смеяйтесь же, прыгайте, двигайтесь, воюйте — чтоб в сорок не сидеть, как я, в кресле и не предаваться бесплодной философии». Так кончается повесть о «Обыкновенных признаниях», пропагандируя в своем изображении социалистической революции.

Но трудно обнаружить, что в том идеале нового человека, который представляет героя «Обыкновенных признаний», очень мало от реальности, созданной нового человека, как активного преобразителя мира, революционера, большевика. Те признаки нового человека, которые наделяет его Колдунов, конечно, существуют в действительности, но они не являются основными признаками человека социалистической революции. Текущий, которым наделены новые люди в произведении Колдуна — это скорее идея и мечта стального революционного практику, не может переходить в первоначальную форму. В результате в сорок лет он уже только сидит в кресле и предает бесплодной философии.

Приятно, что профессор благотворное влияние, встретившись с комсомольцами, профессор переродился и уверовал в нового человека. Он был в сильном краинском партийном рабочником Селининовым, сталкивался с ним на различных этапах своей жизни, и всегда тот оказывал на чудака профессора благотворное влияние. Но ни практика революционной практики, не романтика слова: «Друзья мои! Перед вами раскрыты чудеснейшие из миров, в которых нет предела забывания. В ваших жилах течет неотгасшая кровь. Ваша юность звонко со щстью река. Так смеяйтесь же, прыгайте, двигайтесь, воюйте — чтоб в сорок не сидеть, как я, в кресле и не предаваться бесплодной философии». Так кончается повесть о «Обыкновенных признаниях», пропагандируя в своем изображении социалистической революции.

Но трудно обнаружить, что в том идеале нового человека, который представляет героя «Обыкновенных признаний», очень мало от реальности, созданной нового человека, как активного преобразителя мира, революционера, большевика. Те признаки нового человека, которые наделяет его Колдунов, конечно, существуют в действительности, но они не являются основными признаками человека социалистической революции. Текущий, которым наделены новые люди в произведении Колдуна — это скорее идея и мечта стального революционного практику, не может переходить в первоначальную форму. В результате в сорок лет он уже только сидит в кресле и предает бесплодной философии.

Приятно, что профессор благотворное влияние, встретившись с комсомольцами, профессор переродился и уверовал в нового человека. Он был в сильном краинском партийном рабочником Селининовым, сталкивался с ним на различных этапах своей жизни, и всегда тот оказывал на чудака профессора благотворное влияние. Но ни практика революционной практики, не романтика слова: «Друзья мои! Перед вами раскрыты чудеснейшие из миров, в которых нет предела забывания. В ваших жилах течет неотгасшая кровь. Ваша юность звонко со щстью река. Так смеяйтесь же, прыгайте, двигайтесь, воюйте — чтоб в сорок не сидеть, как я, в кресле и не предаваться бесплодной философии». Так кончается повесть о «Обыкновенных признаниях», пропагандируя в своем изображении социалистической революции.

Но трудно обнаружить, что в том идеале нового человека, который представляет героя «Обыкновенных признаний», очень мало от реальности, созданной нового человека, как активного преобразителя мира, революционера, большевика. Те признаки нового человека, которые наделяет его Колдунов, конечно, существуют в действительности, но они не являются основными признаками человека социалистической революции. Текущий, которым наделены новые люди в произведении Колдуна — это скорее идея и мечта стального революционного практику, не может переходить в первоначальную форму. В результате в сорок лет он уже только сидит в кресле и предает бесплодной философии.

Приятно, что профессор благотворное влияние, встретившись с комсомольцами, профессор переродился и уверовал в нового человека. Он был в сильном краинском партийном рабочником Селининовым, сталкивался с ним на различных этапах своей жизни, и всегда тот оказывал на чудака профессора благотворное влияние. Но ни практика революционной практики, не романтика слова: «Друзья мои! Перед вами раскрыты чудеснейшие из миров, в которых нет предела забывания. В ваших жилах течет неотгасшая кровь. Ваша юность звонко со щстью река. Так смеяйтесь же, прыгайте, двигайтесь, воюйте — чтоб в сорок не сидеть, как я, в кресле и не предаваться бесплодной философии». Так кончается повесть о «Обыкновенных признаниях», пропагандируя в своем изображении социалистической революции.

Но трудно обнаружить, что в том идеале нового человека, который представляет героя «Обыкновенных признаний», очень мало от реальности, созданной нового человека, как активного преобразителя мира, революционера, большевика. Те признаки нового человека, которые наделяет его Колдунов, конечно, существуют в действительности, но они не являются основными признаками человека социалистической революции. Текущий, которым наделены новые люди в произведении Колдуна — это скорее идея и мечта стального революционного практику, не может переходить в первоначальную форму. В результате в сорок лет он уже только сидит в кресле и предает бесплодной философии.

Приятно, что профессор благотворное влияние, встретившись с комсомольцами, профессор переродился и уверовал в нового человека. Он был в сильном краинском партийном рабочником Селининовым, сталкивался с ним на различных этапах своей жизни, и всегда тот оказывал на чудака профессора благотворное влияние. Но ни практика революционной практики, не романтика слова: «Друзья мои! Перед вами раскрыты чудеснейшие из миров, в которых нет предела забывания. В ваших жилах течет неотгасшая кровь. Ваша юность звонко со щстью река. Так смеяйтесь же, прыгайте, двигайтесь, воюйте — чтоб в сорок не сидеть, как я, в кресле и не предаваться бесплодной философии». Так кончается повесть о «Обыкновенных признаниях», пропагандируя в своем изображении социалистической революции.

Но трудно обнаружить, что в том идеале нового человека, который представляет героя «Обыкновенных признаний», очень мало от реальности, созданной нового человека, как активного преобразителя мира, революционера, большевика. Те признаки нового человека, которые наделяет его Колдунов, конечно, существуют в действительности, но они не являются основными признаками человека социалистической революции. Текущий, которым наделены новые люди в произведении Колдуна — это скорее идея и мечта стального революционного практику, не может переходить в первоначальную форму. В результате в сорок лет он уже только сидит в

„ЗАГИПНОТИ- ЗИРОВАННЫЙ ХУДОЖНИК“

Повидимому, для австралийского «Бюллетеня» наиболее убедительным показалось высказывание на съезде советских писателей Т. Радека. По крайней мере, редакция «Бюллетеня» поспешила дать небольшую, но убедительную иллюстрацию к тому, что заявила Т. Радек в заключительном слове.

Говоря о французском писателе Мальро, Радек, между прочим, сказал: «Постепенно будет Мальро написать книгу о борьбе гравюрщиков против ярмарок, об эксплуатации белых и цветных рабочих, о расовом и национальном антагонизме, который усиленно разражается среди них».

Австралийская писательница Катерина Причард сделала даже меньше, чем предсказывал Радек. Она не написала романа о борьбе австралийских гравюрщиков, об эксплуатации белых и цветных рабочих, о расовом и национальном антагонизме, который усиленно разражается среди них.

Она просто с'ездила в СССР и познакомилась здесь с людьми, строящими социализм, и с творением их рук. Она побывала в Москве, на Днепропетровске, в Министерстве, в Кузнецке. Она любовалась новыми индустриальными гигантами, встроившими на далеких окраинах СССР. Она говорила с людьми, очевидными патофизиологами социалистического строительства. Она наблюдала за рабочими на новостройках, увидела, что эти люди прекрасно понимают, что и во имя чего они строят.

Обо всем этом она рассказала широкой читательской публике Австралии в серии очерков, опубликованных ею в различных буржуазных газетах. Рассказала без всяких прикрас, но с большим воодушевлением, которое возводила в ее виденные ею люди и дела.

Редакция «Бюллетеня» не могла пройти мимо этого «прикоренного слуха». Тем более, что ей уже приходилось писать о Катарине Причард и хвалить ее произведения. Рискуя «демонстрировать» своего читателя, «Бюллетень» поместил статью некоего Спайбса о Причард и ее советских очерках. Статья называется «Загипнотизированный художник» и начинается следующими знаменательными словами:

«Одной из наиболее ярких иллюстраций гипнотического влияния марксистской диалектики является слу-чай с Катариной Причард».

Как солидный и «серийный» журнал «Бюллетень» хочет дать своим читателям строго «научное» объяснение того, почему Причард не ругает Советский Союз, а восхищается его успехами. Оказывается, все дело в гипнотизме. Под «гипнотическим влиянием марксистской диалектики» Причард не только увидела в СССР то, чего там нет в действительности, но и потеряла свой художественный талант.

«В Австралии», — продолжает автор статьи, — миссис Причард была известна как автор ряда художественных рассказов и нескольких романов, в которых она показала себя объективным наблюдателем и знатоком человеческой природы. Но, побывав в СССР, она опубликовала в газетах серию очерков, которые обнаживают совершенно неведомое и неизвестное восприятие ее советского гипногенного отношения к мощи техники. Ее описание России предстает совсем не больше чем неудобственного восхваления русских индустриальных достижений».

Но что особенно огорчает автора статьи, так это то, что Причард пишет в своих очерках о работах в СССР. «Все рабочие у миссис Причард довольные и улыбающиеся, — возмущается он. — Но это невозможно! Люди столько работают над своими моторами и гигантскими подъемниками, что у них уже не может оставаться сил для улыбки. Все это гипноз и пропаганда».

Нет, определенно — Причард потеряла талант».

Б. СЕМ.

ДетГИЗ выпускает новым изданием сказки К. Чуковского — «Муха-цокотуха» и «Телефон» с иллюстрациями худ. К. РОТОВА.

КНИГИ

«Лирическая магистраль»

«Лирическая магистраль», не первая книга стихов Сидоренко, несколько разочаровывает. У Сидоренко в активе целый ряд интересных произведений до и после выхода «Лирической магистралей».

Лирика не терпит общих мест, не терпит прелестности, и поэтому не

оправдана в «Лирической магистрале» те места, где в конкретное развитие лирической темы вторгаются фразеология:

Пела в вагоне двухрядка без денег. (?)
Пела, встревожена личной причиной...

Сомнительные также обобщения, которые в качестве рефера поэт вводит в стихи:

Или:
Люблю моя!
Ты помнишь, как в бригаде
Онажды в ночь
Подород социалист??!

Сомнительные также обобщения, которые в качестве рефера поэт вводит в стихи:

И не по драмам растет,
А по часам,
Зеленый мир,
Плынувший в руки сам (?)

Все эти несхожести надо уничтожить в лирике, если мы хотим ее сделать чистой, умной и впечатляющей. Тем более, что у Сидоренко есть данные для активного участия в создании социалистической лирики. Такие, например, стихи, как «Попутчик», с их подкупавшей искренностью и четкой концепцией, являются лучшим произведением обозреваемого.

...Снижает зажатия замшелая мгла,
Почтовый вызывает сиреной, —
Но в северо-восточном обмене жезла
Есть связь с отдаленной вселенной.

Так же хорошо стихотворение «Старухи», реалистически показывающее сцены уходящего быта.

Николай Сидоренко, «Лирическая магистраль», ОГИЗ ГИХХЛ, 1934.

Четыре рассказа

Четыре рассказа содержат этот небольшой сборник «Смерть матери». Все рассказы обединяют общую тему — подпольная работа на Дальнем Востоке в период Колчака и японской интервенции.

Картинки подпольной жизни показаны через настроение и переживания 20-летнего юноши (два первых рассказа будутся от первого лица). Полные лирики и революционной романтики эти рассказы т. Буторина, безусловно, представляют большую интерес для нашего читателя.

Первые три рассказа обединены не только общей темой, но и общим героем. Андрей Васильев — герой этих трех рассказов — раскрывается перед читателем как молодой порывистый и преданный революционер. Вот он попадает в руки контрразведки («Первое знакомство»). Он, конечно, по-молодому слегка растерян, но он сток и кренок до конца Ему предлагают выдать только одну конспиративную квартиру, и жизнь его будет спасена. Но расчеты контрразведки на его молодость не оправдались, — в период наивысшей опасности этот юноша ведет себя как старый и опытный подпольщик.

Мы видим Андрея Васильева также на практической работе («Подпольная типография»). Этот самый

Виктор Буторин, «Смерть матери», Ставропольское краевое издательство, 1934.

Первые три рассказа обединены не только общей темой, но и общим героем. Андрей Васильев — герой этих трех рассказов — раскрывается перед читателем как молодой порывистый и преданный революционер. Вот он попадает в руки контрразведки («Первое знакомство»). Он, конечно, по-молодому слегка растерян, но он сток и кренок до конца Ему предлагают выдать только одну конспиративную квартиру, и жизнь его будет спасена. Но расчеты контрразведки на его молодость не оправдались, — в период наивысшей опасности этот юноша ведет себя как старый и опытный подпольщик.

Мы видим Андрея Васильева также на практической работе («Подпольная типография»). Этот самый

Виктор Буторин, «Смерть матери», Ставропольское краевое издательство, 1934.

большой рассказ в книжке содержит десять главок. Это почти повесть. Все трудности выпуска подпольной газеты, все опасности, связанные с ее печатанием, перевозкой, доставкой приложений, показаны автором ярко и правдиво.

Образ Андрея Васильева, показанный в этих двух рассказах, перед читателем встает как живой. Кто не знает об этих молодых революционерах, с радостью берущихся за самое опасное дело, немного бравирующих этой опасностью и готовых жить и умереть за революцию. И Андрей Васильев действительно умирает за революцию. Об этом мы узнаем из третьего рассказа «Смерть матери». Сюжет этой маленькой вещи несложен, но трагичен.

Мать героя умирает от тяжелой болезни в больнице. В это же время ее сына расстреливают контрактариада. В больнице, узнав о том, что она — мать большевика, выписывают ее. Мать, узнав о судьбе сына, умирает на улице. Несмотря на то, что внешне кажется, будто было бы банально, наудумах, т. Буторин смотрит это так просто, с такой теплотой, что покоряет читателя. И в этой простоте и правдивости сила его маленького сборника.

Сборник «Смерть матери» вышел в Ставропольском краевом издательстве третьим изданием, и это лишний раз подчеркивает, какой интерес представляет он для читателя.

А. ЯКОВЛЕВА.

О ЛИТЕРАТУРЕ И ЖИЗНИ

1

Мечта каждого художника потрогать жизнь до конца. Жизнь отвечает на это творчеством, с которым искусством бесконечно спрашиваться. Толстой рано понял это, хотя жизнь предстояла ему со всей возможной и не вымыщенной простотой. Она была здесь как на падеже, со своими помощниками, мужиками, японской школой. Но именно потому, что она была слишком проста и значительна, литература казалась не значительной, а художники неумелыми участниками ее. И Толстой вскошил на подиум, чтобы представить тему, которую он сам выбрал для письма: «Мы ошибаемся, если думаем, что она была слишком проста и потому не имела значения».

Причем когда он сказал: «Все старые приемы ушли так избыточно», то это было не потому, что Толстой не мог остановить языка, а потому, что он был слишком прост в своем языке.

Этот период отмечен у Толстого ярко выраженным стремлением подойти к «народу» (основание японской школы и работа в ней), тогда же была создана «Война и мир». К этому времени художественное самопредназначение относится к замечательной книге «Кому о ком», которую он начал писать в японской школе.

Сюжеты эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

Здесь Толстой рассказал о одном из японских писателей, который

был вынужден писать о японской жизни, чтобы угодить японским читателям. Толстой писал о японской жизни, чтобы угодить японским читателям, и это было не потому, что Толстой не мог остановить языка, а потому, что он был слишком прост в своем языке.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

«Все», — говорит Толстой, — было чрезвычайно занимательно. Для них, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессе сочинительства и участвовать в нем. Суждения эти были большей частью однодневки и вершины как в самой истории японской литературы, так и в японской художественной.

</div

